

ЕЛЕН СТРАННИЦА МИРОВ

КНИГА ТРЕТЬЯ:
ПЕЧАТЬ ОГНЕННОГО КОДА

МИРРА СТЕРН

КНИГА ТРЕТЬЯ

Мирра Стерн

Элен. Страница миров Книга третья. Печать Огненного кода

<https://litres.ru/74352058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мистический триллер

Пройдя через сакральные инициации в Гималаях и Тибете, доктор Элен сталкивается с самым опасным вызовом — с темными силами, облаченными в костюмы корпоративной элиты. Действие переносится в Нью-Йорк, где фармацевтический гигант «КХМЕД» готовит запуск инновационного препарата «Лумен». За красивым фасадом омолаживающего средства скрывается биотехнологический инструмент для полного контроля над человеческим сознанием.

Ключ к окончательной формуле «Лумена» скрыт в генетическом коде самой Элен: после гималайских трансформаций её ДНК стала единственным живым катализатором «Огненного кода».

Опираясь на помощь сына Святослава, обладающего феноменальным аналитическим чутьем, и верных соратников, Элен вступает в тайную войну на стыке древней магии и нанотехнологий. Ей предстоит не просто расшифровать

сакральные символы и спасти наследие Хранителей, но и принять свою истинную духовную природу, чтобы предотвратить порабощение человеческих душ.

Содержание

Глава	5
Книга третья. Печать Огненного кода	6
Оглавление	7
Мирра Стерн	8
Предисловие от автора	8
Глава 1. Первый сигнал	11
Глава 2. Вернисаж	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Мирра Стерн
Элен. Страница
миров Книга третья.
Печать Огненного кода**

Глава

Элен. Страница миров

Книга третья. Печать Огненного кода

Мирра Стерн

© Mirra Stern, 2026. All rights reserved.

Mirra Stern Books, 2026

Cover design: Slava Petersson

*«Пространственный Огонь стремится к сердцу, и в этом
принципе заложен весь космический процесс».*

— Из писем, 1929. Helen Roerich

Оглавление

Глава 1. Первый сигнал

Глава 2. Вернисаж

Глава 3. Формула, которая помнит

Глава 4. Свиток, который ждал

Глава 5. Реставрация, которая ничего не реставрирует

Глава 6. Вечер в отеле

Глава 7. Память, которая просыпается

Глава 8. Приманка

Глава 9. То, что хранится вдали от глаз

Глава 10. Вспышка в ночи

Глава 11. Второй визит

Глава 12. Огненная Частота

Глава 13. Заземление

Глава 14. Флешбэк: Тайна падения над Атлантикой

Благодарности

Факты

Посвящается моей маме — за безусловную веру, которая была со мной на каждом шагу этого пути, и за то, что она научила меня не бояться идти туда, куда ведёт сердце.

Мирра Стерн

Предисловие от автора

Есть истории, которые не начинаются — они продолжают. Эта началась не в Нью-Йорке и даже не в Осло. Она началась в тот момент, когда я впервые почувствовала, что моё тело помнит то, чего не помнит разум.

Меня зовут Элен. Двадцать лет я лечила чужие тела в своей клинике в центре Осло, свято веря, что человек — это то, что можно увидеть на снимке и прочитать в анализах. Рядом со мной, всегда на полшага впереди опасности, — мой сын Святослав, специалист по искусственному интеллекту с умом настолько точным, что иногда мне кажется, будто он видит будущее раньше, чем оно наступает. Есть ещё двое, без кого этой истории не было бы вовсе. Алекс — блестящий бизнесмен из Сити, для которого биржевые графики и звёздные карты значат почти одно и то же, если знать, куда смотреть. И Мишель — искусствовед, для которого древний символ на холсте способен сказать больше, чем страница учебника истории, потому что он не просто изучает древние тайны — он один из немногих, кто ещё помнит, как их читать. Мы нашли друг друга не случайно. Об этом — в первой книге.

К началу этой истории судьба — если это была она — свела меня с человеком по имени Ким. Обходительный, безупречно вежливый, он представлял КХМЕД — фармацевтического гиганта с офисами по всему миру. Ему нужна была я. Точнее, то, что живёт в моей крови с тех пор, как Гималаи впервые тронули меня своим огнём. Я подписала контракт — там же, в Осло. Название препарата, «Лумен», обещало вечную молодость. Я не сразу поняла, что оно обещает что-то ещё.

Рейс Осло — Нью-Йорк должен был занять восемь часов и не запомниться ничем, кроме скуки делового перелёта.

Он не запомнился ничем обычным.

Самолёт падал.

Так заканчивалась моя вторая книга — и так, признаюсь, заканчивался для меня не один месяц, пока я писала эту, третью. Я оставила вас, читатель, над чёрной бездной Атлантики, с двумя мужчинами в проходе салона и кейсом, в котором тихо светился красный таймер. Я знала, чем это закончится. Вы — нет. Если быть до конца откровенной, какое-то время не знала и я сама: некоторые вещи память отдаёт не по порядку, а только тогда, когда тело наконец готово пережить их снова, не разрушившись. Так что если вы дочитаете эту книгу до конца, вы получите ту сцену, которую я придерживала. Она там — ближе к финалу, там, где ей и было место всё это время.

Пока скажу лишь то, что вам нужно знать, чтобы идти

далее: мы выжили. Самолёт всё-таки долетел туда, куда должен был долететь, — просто это оказалось не концом истории, а её порогом. Нью-Йорк ждал нас ровно там, где и планировался. Не ждало только то, что мы там нашли.

Огненный Код, который очнулся во мне в небе над океаном — от боли, от ужаса, — в Нью-Йорке пришлось разбудить снова. Уже осознанно. Уже по собственной воле. Разница между этими двумя пробуждениями и есть, пожалуй, единственное, чему я по-настоящему научилась за эти дни.

Если вы открываете эту историю впервые — не бойтесь. Вы просто входите в комнату, где буря уже началась. Дышите с ней в такт, и вы всё поймёте по ходу дела.

А если вы со мной с самого начала — из заснеженного Осло, через Сикким, священный Тибет и ледяные перевалы, из того первого прикосновения к тому, что спало во мне эпохами, — держитесь крепче. Круг, о котором так много писала Елена Ранге, начинает замыкаться. И то, что в нём заключено, больше не спрячешь — ни от КХМЕД, ни от меня самой, ни от вас.

Мирра Стерн

Осло — Нью-Йорк, 2026

Глава 1. Первый сигнал

Мы приземлились в 6:14 утра.

Трап подали через двадцать минут. Никого из двух мужчин в тёмных костюмах на борту так и не обнаружили.

Я вышла из самолёта последней. Святослав шёл рядом — молча, плечом к плечу, как шёл со мной в Тибете, когда мы покидали дом с отравленным чаем. Та же походка. Та же внутренняя тишина после предельного напряжения — когда тело ещё не решило, можно ли наконец выдохнуть.

Аэропорт Кеннеди гудел тем особым, безличным гулом, который одинаков во всех крупных аэропортах мира и именно поэтому никогда не успокаивает.

Дебетовые карты не работали. Джемма, представитель фармацевтического гиганта КХМЕД, которая должна была встречать нас с табличкой, не появилась. Указанный в документах номер ответил лишь сухими короткими гудками.

Мы уже направлялись к выходу, когда я заметила его.

Мужчина стоял у дальней колонны. Невысокий, в простой тёмной куртке. Он не смотрел на нас прямо, но в тот момент, когда наши взгляды пересеклись, вдруг двинулся навстречу.

Подошёл совсем близко.

— Извините, — сказал он мягко, с лёгким акцентом. — Вы не хотите купить билеты на вернисаж в Манхэттене сегодня вечером? Очень интересная экспозиция. Редкие арте-

факты. Особенно для тех, кто... ищет.

Святослав нахмурился, заслоняя меня плечом:

— Какие билеты? Здесь не продают билеты на вернисажи.

Мужчина не ответил. Он внимательно заглянул мне в глаза — пристально, глубоко, будто искал что-то за самими зрачками. На долю секунды в его взгляде мелькнула знакомая холодная голубовато-белая искра.

Затем он едва заметно улыбнулся — и исчез. Просто повернулся и растворился в потоке людей так быстро, что через три секунды я уже не была уверена, существовал ли он на самом деле.

— Ты видел? — тихо спросила я.

— Кого? — Святослав оглянулся. — Там никого не было, Элен.

Я моргнула. По позвоночнику прошла холодная, узнаваемая дрожь — та самая, что уже настигала меня среди тибетских снегов Поталы и ледяных ветров Намцо.

Багаж нашёлся только через два часа: просто появился на ленте без объяснений, будто и не пропадал вовсе.

— Элен, — тихо сказал Святослав, когда мы катили чемоданы к выходу. — Это не похоже на компанию, которая прислала нам контракт на тридцать две страницы.

— Нет, — согласилась я. — Не похоже.

Мы оба знали: это не ошибка организации. Это сигнал. Первый из многих.

Только в такси, когда за окном запестрели индустриаль-

ные пейзажи Куинса, мой телефон наконец ожил и коротко вибрировал. Сообщение от Джеммы. Никаких извинений. Ни слова о том, почему нас не встретили и где были наш багаж и связь. Только сухие строки:

«Экспозиция КХМЕД. Пятая авеню, 19:00. Дресс-код: коктейльное платье, смокинг. Вас ждут».

Я выключила экран.

Нью-Йорк ждал снаружи — огромный, равнодушный, не спрашивающий имён. Небо над Манхэттенем за лобовым стеклом было белым и плоским, как чистый лист.

Я думала о двух мужчинах в тёмных костюмах, которых так и не нашли на борту.

Я думала о голосе Ориона, прозвучавшем в темноте падающего самолёта:

«Не бойся. Они не могут остановить то, что уже проснулось».

Игра продолжалась. Просто теперь — на другом поле.

Глава 2. Вернисаж

Галерея занимала весь верхний этаж старого здания на Пятой авеню — высокие потолки, минималистичные белые стены, развешанные на них полотна современных художников, «вдохновлённых духовными традициями Гималаев», с ценниками, которые могли бы прокормить небольшую тибетскую деревню целый год. Протокольная программа КХМЕД называла это «культурным введением в контекст проекта».

Джемма — всё та же улыбка, всё тот же бейдж без фамилии — вручила нам бокалы у входа и растворилась в толпе с профессиональной бесшумностью человека, обученного присутствовать незаметно.

Святослав взял бокал и не притронулся к нему. Я сделала то же самое.

Зал был полон людьми, которых я не знала, но узнавала по типу: дорогие костюмы, тихие, точные жесты, разговоры вполголоса о вещах, которые не называют прямо. Финансисты, кураторы, люди с должностями, занимающими три строчки на визитке.

И где-то у дальней стены, в окружении именно таких людей, — Алекс.

Он появился в зале так, как появляются люди, привыкшие к тому, что пространство перераспределяется под них авто-

матически. Не вошёл — материализовался в центре светского ядра, окружённый двумя мужчинами в безупречных костюмах и женщиной с длинной шеей и выражением лица человека, принятого при дворе. Он говорил — они слушали. Шампанское в его руке не убывало: он не пил, а держал бокал как атрибут статуса. Тот же Алекс из московского Сити, умноженный на нью-йоркский масштаб.

Я смотрела на него несколько секунд до того, как он заметил меня, и чувствовала что-то нелогичное, неуместное в его присутствии здесь.

Три месяца. Достаточно, чтобы забыть запах горной крови и пиявок — или научиться делать вид, что забыл. Он выглядел безупречно. Слишком безупречно для человека, который три месяца назад стоял на краю пропасти над Канченджангой и кричал от страха перед тем, что горы показали ему в темноте.

Он увидел меня — и на долю секунды что-то в нём замерло. Лицо не изменилось — Алекс был слишком опытен для этого. Но рука с бокалом чуть напряглась.

Он извинился перед своей группой — коротко, без объяснений, как человек, у которого нет обязательства объяснять, — и подошёл.

— Элен. — Ни удивления, ни вопроса. Просто имя, произнесённое с той взвешенностью, которая могла означать и «я рад тебя видеть», и «я знал, что это ты, когда увидел имя в списке гостей».

— Алекс.

Мы не обнялись. Просто смотрели друг на друга секунду дольше, чем требовало вежливое приветствие, — секунду, в которой поместились горы, кровь, страж с фосфорическими глазами и тот последний взгляд у порога монастыря, который так и не превратился в слова.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он наконец. Светски. Почти бесцветно.

— А ты вернулся к себе, — ответила я так же ровно.

Лёгкая пауза. В ней — укол. Оба его почувствовали.

— Мир больших денег ждать не умеет, — произнёс он, слегка поворачивая бокал в пальцах. Усмешка — тонкая, почти незаметная. Защитная. — В отличие от гор.

— Горы тоже не ждут, Алекс. Они просто помнят.

Что-то в его лице чуть дрогнуло. Почти незаметно. Именно «почти» — я научилась читать Алекса ещё в Сиккиме, где горы срывают любую маску, и теперь знала: то, что для других выглядело как светская непроницаемость, для меня было открытой книгой.

Подожёл Святослав. Поздоровался сдержанно — без той молодой открытости, с которой они общались три месяца назад. Что-то изменилось и в нём после экспедиции — он стал внимательнее к людям, осторожнее с доверием.

Алекс это уловил. И понял, что мы тоже всё видим.

— Вы оба стали другими, — сказал он тихо, и в этой тишине наконец прорвалось что-то живое — не бизнесмен, не

меценат, не завсегдатай закрытых аукционов. Человек, который видел в горах то, чего не хотел видеть, и теперь не знает, что с этим делать. — После Сиккима.

— Мы все стали другими, — сказала я. — Вопрос в том, что каждый с этим сделал.

Снова пауза. На этот раз длиннее.

Он смотрел на меня с тем особым выражением, которое я видела у него один раз — у порога монастыря, когда он стоял снаружи, не решаясь войти, и в его глазах боролись гордыня и острое сожаление. Сейчас это выражение было другим — взрослее, тяжелее — как будто за три месяца он нашёл ответ на какой-то вопрос, но ответ оказался не тем, которого он хотел.

— Ты подписала контракт с КХМЕД, — сказал он. Снова — не вопрос.

— Откуда ты знаешь?

Алекс чуть помедлил — ровно столько, сколько нужно человеку, решающему, сколько правды выдать за один раз.

— Потому что я владею миноритарным пакетом акций КХМЕД. — Он произнёс это ровно, без интонации, как произносят факты, которые уже не изменить. — И потому что финансирую часть их культурных инициатив уже два года. Я вошёл в акционерный капитал через фонд, через партнёров. Тогда это выглядело как перспективный биотех с серьёзными клиническими разработками. Регенеративная медицина, антиэйджинг — именно тот сектор, который я считаю сле-

дующей большой волной. Я провёл due diligence. Всё было чисто.

Пауза.

— Или выглядело чисто.

Святослав смотрел на него не отрываясь:

— То есть ты финансово заинтересован в успехе того контракта, который она подписала.

— Да, — сказал Алекс. — В этом и проблема.

Он наконец отставил бокал на поднос проходящего официанта — и впервые за весь вечер его руки оказались пустыми.

— Три недели назад я начал замечать движение внутри акционерной структуры, которое мне не объяснили. Деньги идут не туда, куда должны идти в серьёзном биотехе. Не в лаборатории, не в клинические испытания — куда-то ещё. И когда я увидел твоё имя в списке новых консультантов высшего уровня, я понял, что это не случайность. И что я должен был позвонить тебе раньше.

— И ты не позвонил, — сказала я тихо.

— Нет.

— Почему?

Он посмотрел на меня — долго, без привычной защитной лёгкости — и я увидела в его глазах то же, что видела три месяца назад у порога монастыря: гордыню и острое сожаление, стоящие рядом, как двое, которые не умеют разойтись.

— Потому что для этого нужно было признать, что я три

года инвестировал в структуру, которую недостаточно понимал. А это, Элен, — он чуть усмехнулся, криво, без удовольствия, — для меня примерно так же просто, как для тебя было бы сказать пациенту, что ты поставила неверный диагноз.

Это был честный ответ. Пожалуй, самый честный, который я от него слышала.

— Сколько у тебя акций? — спросил Святослав напрямую.

— Достаточно, чтобы потерять серьёзные деньги, если скандал выйдет наружу. И недостаточно, чтобы влиять на решения совета. Классическая ловушка для умного миноритария, который думал, что умнее структуры, в которую входит.

Из-за его плеча появился Мишель — подошёл медленно, будто случайно, но я поняла: он наблюдал за нами всё это время с противоположного конца зала. Его взгляд был, как всегда, чуть прищурен — взгляд человека, который видит не только то, что происходит, но и то, почему.

— Элен, — сказал он просто.

И в этом простом «Элен» было всё из Сиккима сразу — и долгий подъём, и кровь от пиявок, и его сорванный крик посреди ночной пропасти: «Я всю жизнь только брал!» — и то смирение, которое он нашёл наверху, неся чужой рюкзак в ледяной тьме.

Мы обнялись — по-настоящему, как обнимаются люди, которые прошли что-то вместе и знают цену этому.

Алекс смотрел на это молча. И я увидела в его глазах то,

что он никогда не сказал бы вслух: лёгкую, почти незаметную зависть к тому, насколько чисто и просто Мишель умеет капитулировать перед чем-то большим, чем он сам.

— Я не поверил Алексу, когда он написал мне. То есть поверил — но не сразу понял масштаб, — сказал Мишель. — Элен. Святослав. До сих пор мне наша встреча кажется скорее сном.

— Происходит наяву, — сказал Святослав, и в его голосе я услышала ту же смесь радости и настороженности, что чувствовала сама.

— А как ты здесь оказался? — спросила я. — В смысле — на этом вернисаже, именно сегодня?

Алекс и Мишель обменялись быстрым взглядом — тем взглядом старых друзей, который говорит больше, чем слова.

— Я консультирую галерею по подлинности нескольких тханок из экспозиции — точнее, по их атрибуции, там половина датировок вызывает вопросы, — добавил Мишель. — Совпадение расписаний. Простое, хочу заметить, хотя сам себе не очень верю, когда это говорю.

Я посмотрела на них обоих — на эту слишком удачную, слишком своевременную встречу — и подумала о синхронистичности, которую сначала принимаешь за случайность или удачу.

— Совпадение, — повторила я тихо.

— Совпадение, — подтвердил Алекс, но что-то в его взгляде подсказывало, что он сам не до конца в это верит.

— Нам нужно поговорить, — сказал Алекс наконец, обращаясь ко всем троим сразу. Голос стал другим — деловым, точным, тем голосом, которым он говорил в стеклянных высотках, принимая решения, от которых зависят миллионы. — Не здесь. Завтра вечером. В восемь.

Он оглянулся через плечо — туда, где у дальней стены господин Ким поднимал бокал в коротком, безмолвном то-сте, не глядя в нашу сторону.

— И кое-что ещё. — Он снова посмотрел на меня — уже без брони, без светского фильтра. — Я должен вам кое-что объяснить. По поводу Сиккима. Я должен был сказать это три месяца назад — у порога. Но не смог.

Он сделал короткую паузу — ту самую паузу, в которой у сильных людей умещается то, что они привыкли не произносить вслух.

— Я был трусом там, наверху. Не физически. Внутри. И вы оба это видели.

Святослав посмотрел на него спокойно — без осуждения и без немедленного прощения, просто с той взрослой, гор-ной прямоотой, которой в нём не было до экспедиции.

— Мы знаем, — сказал он. — И мы здесь.

Я почувствовала, как глубинная тревога у сердца едва заметно отступила, уступая место собранности. Как будто что-то невидимое, расставившее нас по этим четырём точкам в одном зале, удовлетворённо завершило работу.

— Завтра в восемь, — сказала я.

Алекс уже разворачивался обратно к своей группе — безупречный, собранный, снова весь в броне. Остановился на полушаге.

— И, Элен. — Не обернулся — просто голос, брошенный через плечо, негромко, почти для себя. — Рад, что ты здесь. Несмотря ни на что.

Он не ждал ответа. Просто кивнул — коротко, как тогда, у монастырской двери — и растворился в толпе.

Мишель встал рядом со мной, провожая его взглядом.

— Он изменился, — сказал он тихо. — Совсем немного. Но изменился.

— Недостаточно, — ответил Святослав.

— Достаточно, чтобы прийти. И это уже немало — для человека, который три месяца выбирал, куда смотреть, лишь бы не в глаза, — возразил Мишель.

Не успела я обдумать его слова, как воздух рядом со мной на долю секунды словно похолодел — тем самым холодом, который я не спутаю уже ни с чем с той самой встречи в моём кабинете в Осло.

— Доктор Элен.

Голос — ровный, безупречно вежливый, с едва уловимым акцентом, происхождение которого я так и не смогла определить. Я обернулась, почти не удивившись: весь вечер, с той секунды, как увидела его имя в списке гостей, я знала, что этот голос рано или поздно прозвучит у меня за спиной.

— Господин Ким.

Он слегка склонил голову — тот же жест, выверенный до последнего градуса, что и недавно, когда он сидел напротив меня за столом моей клиники и спрашивал, помню ли я снежный перевал под Намцо.

— Рад видеть вас в добром здравии, — сказал он. — Контракт, который вы подписали в Осло перед вылетом, начинает обретать практический смысл именно здесь. Формула «Лумен» получит именно то, чего ей сейчас не хватает.

— Мы могли обсудить детали и без личной встречи, — заметила я тем же ровным тоном, каким говорила с ним тогда, за своим столом, где перевес сил хотя бы формально был на моей стороне.

— Разумеется, мог, — он едва заметно улыбнулся, и улыбка эта, как и в прошлый раз, не поднялась выше рта. — Но некоторые вещи нужно видеть своими глазами, чтобы окончательно в них увериться. Тем более что подпись — это только начало, доктор Элен. Настоящая работа начинается сейчас.

За его спиной, у ближайшего канделябра, пламя свечи вдруг дрогнуло — не от сквозняка, а будто отпрянуло. И тут же, на одно короткое мгновение, воздух между нами загустел тем самым химическим, въедающимся привкусом, который я помнила с того момента в Осло, когда вентиляция клиники неожиданно подвела. Здесь, посреди шумного зала, никто, кроме меня, кажется, этого не почувствовал — запах истаял так же быстро, как возник.

— Приятного вечера, доктор Элен, — сказал он и, не дожидаясь ответа, растворился в толпе с той же беззвучной, скользящей лёгкостью, с какой появился.

Я осталась стоять, чувствуя, как по позвоночнику медленно поднимается холод — тот, что не спишешь ни на кондиционер, ни на сквозняк, ни на разыгравшееся воображение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.